

Джей Райтер

БЮРО
ПОСЛЕДНИХ
ЖЕЛАНИЙ

Джей Райтер

Бюро последних желаний

<https://litres.ru/73961221>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для тех, кто хоть раз в жизни не успел сказать главное.

Марку двадцать девять, красный диплом и диван, с которого незачем вставать. Так и проходят его дни в бесконечном поиске работы и принятии неизбежного. Пока однажды глубокой ночью он не откликается на вакансию с пометкой «Бюро ПЖ-7. Опыт работы с мёртвыми не обязателен, но приветствуется».

За аркой в Кривоколенном переулке, на Изнанке Москвы, работает Бюро Последних Желаний. Мёртвые сотрудники пьют чай из самовара, трёхсотлетняя начальница правит запятые в приказах, а архивариус отбрасывает две тени. Здесь исполняют то единственное и заветное, о чём человек думает в последние мгновения жизни.

Но кто-то крадёт чужие Желания. Десятки последних надежд исчезают, и за этим стоит человек, чьи мотивы не известны, а конечная цель неизбежно приведет к беде.

Содержание

Глава 1. Бойтесь желаний своих	4
Глава 2 В которой герой выходит на работу, знакомится с коллегами и узнаёт, что бюрократия бессмертна	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джей Райтер

Бюро последних желаний

Глава 1. Бойтесь желаний своих

Есть в безработице одна, несомненно, хорошая сторона: ты наконец-то высыпаешься. Первые дня три ты самозабвенно отдаешься в объятия Морфея. Потом ты вспоминаешь, что сто лет не гулял днем в парке и не ел свой обед не спеша, не давясь холодным бутербродом из соседнего супермаркета, а растягивая удовольствие от пищи. Да даже просто ощущая вкус этой самой пищи!

Как и в любых отношениях, флер конфетно-букетной поры постепенно сходит на нет, острота ощущений притупляется и наступают скучные, серые будни. Так случилось и у меня с моей беззаботной жизнью. Спустя две или три недели после своего фееричного увольнения, я стал просыпаться с одной и той же мыслью, холодной и ясной, как январское небо над Москвой: «Я совершенно, абсолютно, фундаментально бесполезен». И никакие десять часов здорового сна этого ощущения не компенсировали, как не компенсирует мягкая подушка отсутствие жизненного смысла. Хотя, страдать от отсутствия оного на ней, безусловно, приятнее.

Итак, давайте знакомиться – меня зовут Марк. Марк Ан-

дреевич Полозов, двадцати девяти лет от роду, юридическое образование, красный диплом, который пригодился ровно 0 раз, если не считать того случая, когда я подложил его под ножку шатающегося стола. Пять лет трудового стажа в конторе «Шукин, Шукин и сыновья», где я освоил высокое искусство перекладывания бумаг, составления договоров, которые никто не читал, и каллиграфического выведения запятых в четырнадцатом пункте типового соглашения. За пять лет я не провёл ни одного дела в суде, не встретился ни с одним живым клиентом и не совершил ни единого поступка, который заслуживал бы хоть мимолётного упоминания в мемуарах.

Уволился я три месяца назад, и повод для увольнения был до неприличия банальным: Шукин в очередной раз подписал своим именем проект, над которым я корпел последние три месяца, две недели, и одно воскресенье, пожертвованное с тем особым ожесточением, с каким жертвуют выходными люди, убедившие себя, что это уж точно в последний раз. Заявление об увольнении я написал на обороте благодарственного письма от клиента – мелочная, в сущности, месть, но удивительно приятная, как последний кусок торта, съеденный в одиночестве и без свидетелей.

С тех пор минуло девяносто два дня, за которые я успел отправить сто сорок три отклика со своим резюме, получить семь ответов (из них пять – автоматические отказы, один – приглашение на вебинар по продаже пылесосов и один –

письмо на китайском, которое переводчик услужливо перевёл как «ваша карма требует внимания»), и окончательно убедиться в том, что рынок труда относится ко мне примерно так же, как я отношусь к утренней зарядке – то есть теоретически признаёт моё существование, но на практике предпочитает делать вид, что меня нет.

В тот вечер, с которого, собственно, и начинается эта история, а если быть точным, в ту ночь, потому что стрелки часов давно перевалили за полночь и бодро маршировали к трём, я лежал на диване и разглядывал потолок. Потолок, надо сказать, был моим единственным постоянным собеседником за последние полтора месяца, если не считать кассирши в «Пятёрочке», которая каждый четверг провожала взглядом мою корзину из хлеба, макарон и маринованных огурцов с таким выражением лица, будто лично присутствовала при медленном угасании человеческого достоинства. Что, в общем-то, было не далеко от истины.

Потолок молчал. Три месяца он безмолвно взирал на меня сверху вниз – буквально – и за это время каким-то образом умудрился внушить мне, что всё идёт по плану: диван мягкий, плед тёплый, огурцы маринованные, жизнь проходит мимо, и не стоит вставать у нее на пути. В целом, я был с ним согласен. В том отчаянном смысле, в каком соглашается с судьбой человек, у которого закончились аргументы, деньги и маринованные огурцы. Вот от огурцов я такого, конечно, не ожидал.

Лежа на диване в позе небрежно брошенной тряпичной куклы, с ноутбуком на животе, я в сотый раз обновлял страницу с вакансиями. За долгие месяцы поисков и маячившего на горизонте отчаяния, ничего существенного от сайта с вакансиями я уже не ждал. Для меня это стало чем-то средни медитации, с каждым таким кликом во мне рождалась надежда на светлое будущее. И умирала сразу же после загрузки результатов.

Вакансии в три часа ночи – это отдельный жанр литературы, заслуживающий, пожалуй, специальной полки в книжном магазине где-нибудь между разделами «Абсурдизм» и «Хоррор». В дневное время сайты вакансий ещё худо-бедно сохраняют видимость приличия и предлагают позиции менеджеров, аналитиков и специалистов по чему-нибудь осмысленному, но с наступлением темноты здравый смысл уходит на покой, и на его место заступает нечто иное – с горящими глазами, сомнительной грамматикой и твёрдой уверенностью в том, что слово «мотивированный» пишется с тремя «н».

«Менеджер по продаже воздуха (опыт не требуется)», - прочитал я, и даже не удивился, а лишь меланхолично отметил, что опыт, должно быть, не требуется по той простой причине, что воздух до последнего времени продавался исключительно сам, без участия посредников. «Требуется человек для работы человеком», — это объявление я видел уже трижды за неделю, и каждый раз оно вызывало у меня лёгкий

экзистенциальный кризис, потому что я не был до конца уверен, что соответствую требованиям. «Ассистент алхимика, знание латыни приветствуется, работа с огнём» — это, вероятно, была вакансия в барбершоп, хотя какая-то часть моего сознания, та самая, которая в детстве читала слишком много фантастики и до сих пор не вполне оправилась, на мгновение встрепенулась с надеждой.

А потом я увидел то самое объявление.

Оно ничем не выделялось на фоне прочего полуночного бреда – чёрные буквы на белом фоне, стандартный шрифт, ни картинок, ни восклицательных знаков, ни одного упоминания «дружелюбный» в тексте, что уже само по себе было подозрительно.

«Бюро ПЖ-7. Требуется делопроизводитель с юридическим образованием. Опыт работы с мёртвыми не обязателен, но приветствуется. Гибкий график. Полный соцпакет (посмертно). Кривоколенный переулок, д. 7, стр. 2.»

Я перечитал объявление трижды, потому что с первого раза мозг его вежливо проигнорировал, со второго – отсканировал и отложил в папку «подумать об этом завтра», а с третьего наконец-то обработал и проямлил «Эээээмммм, вроде я подхожу»

«Опыт работы с мёртвыми не обязателен, но приветствуется.» Кто пишет такое в вакансии делопроизводителя? Похоронное бюро с чувством юмора? Кафедра патологической анатомии, решившая идти в ногу со временем? Компания,

которая настолько устала от текучки кадров, что готова принять в штат кого угодно, включая, судя по формулировке, покойников?

Разумный человек закрыл бы вкладку, выключил ноутбук, лёг спать и наутро забыл бы об этом. Но разумные люди, как правило, не лежат на диване в три часа ночи, поедая маринованные огурцы прямо из банки и ведя мысленные дискуссии с потолком. Разумные люди к двадцати девяти годам уже построили карьеру, завели семью и выплачивают ипотеку, а не ипотечную тоску, которая отличается от настоящей ипотеки тем, что даже банк от неё отказался.

И я нажал «Отправить резюме».

Не потому, что поверил в серьёзность объявления — я бы скорее поверил в то, что кассирша из «Пятёрочки» тайно мне сочувствует. И не потому, что мне нечего было терять — хотя отчасти и поэтому — но я уже привык к этому состоянию, к третьему месяцу оно перестало ощущаться как трагедия и перешло в разряд привычного фона, вроде шума холодильника или экзистенциального отчаяния. Я нажал «Отправить» потому, что только глубоко в ночи тебе хватит смелости, безумия и отваги допустить мысль: «А что, если?».

«А что, если» — это, пожалуй, самая опасная фраза в любом языке мира, потому что именно она заставляет людей совершать поступки, от которых потом бывает либо очень хорошо, либо очень плохо, а чаще всего — и то, и другое одновременно, с перевесом в сторону «плохо», но с таким при-

вкусом «хорошо», что человек ни о чём не жалеет. Войны начинались с «а что, если», и великие открытия начинались с «а что, если», и я был совершенно уверен, что где-то в мире прямо сейчас кто-то произносит «а что, если» перед тем, как сделать что-нибудь грандиозно глупое, и эта мысль странным образом утешала, потому что хотя бы в глупости я был не одинок.

Ответ пришёл через четырнадцать секунд.

Я знал, что через четырнадцать, потому что после нажатия кнопки «Отправить» машинально взглянул на часы - 3:07:42 - а когда звякнуло уведомление, часы показывали 3:07:56. Четырнадцать секунд. Я затратил больше времени на то, чтобы переместить взгляд с экрана на часы и обратно, чем кто-то на том конце – на то, чтобы прочитать моё резюме, оценить мою кандидатуру, принять решение и составить ответ.

Существовало два объяснения. Первое – автоматический ответ, робот, скрипт, бездушная программа, которая рассылает стандартные письма с тем же равнодушием, с каким торговый автомат выдаёт шоколадные батончики. Второе объяснение было значительно менее рациональным и потому значительно более интригующим, а именно: кто-то по ту сторону экрана в три часа ночи сидел и ждал моё резюме. Именно моё. Что было, разумеется, абсурдно – но абсурд в три часа ночи воспринимается как глас небес в беспросветном отчаянии и безнадёги, которая захватила уже меня с головой.

Я открыл письмо.

«Уважаемый Марк Андреевич! Благодарим за отклик на нашу вакансию. Ваше резюме рассмотрено и предварительно одобрено. Собеседование назначено на завтра (если быть точным — уже на сегодня, учитывая время вашего бодрствования), 10:00. Адрес: Москва, Кривоколенный переулок, д. 7, стр. 2. Вход через арку, лифт направо, кнопку «Приём» нажимать уверенно. Колебания механизм не считывает. Не забудьте паспорт. С уважением и в ожидании продуктивного сотрудничества, канцелярия Бюро ПЖ-7.

P.S. Огурцы не считаются ужином, Марк Андреевич. Даже маринованные.»

Рука, которая держала вилку с наколотым огурцом на полпути ко рту, замерла. Огурец повис в воздухе с тем меланхоличным достоинством, с каким висят предметы, внезапно ставшие уликами.

Я посмотрел на банку в своей руке. Потом на экран ноутбука. Потом на банку снова, словно именно она могла объяснить мне, каким образом автор письма узнал о моём рационе, моих огурцах и моём имени-отчестве?! Ну ладно, полное имя было указано в резюме. Но вот огурцы, огурцы-то я точно в резюме не упоминал! Хотяяя, учитывая его общий уровень, они бы, пожалуй, органично вписались бы в раздел «дополнительные навыки».

- Ладно, - сказал я вслух, потому что, когда живёшь один и разговариваешь сам с собой, важно делать это с интонаци-

ей человека, который принимает осознанное решение, а не медленно сходит с ума, хотя разница между этими двумя состояниями к третьему месяцу безработицы становилась всё более гомеопатической (или клинической).

- Ладно. Завтра, точнее сегодня, в десять.

Засыпая, я перебирал варианты. Секта – это было бы классикой жанра, но секты обычно не шутят про соцпакет, у них свой лунапарк: с медитациями и коллективным просветлением. Финансовая пирамида – возможно, хотя пирамиды, как правило, обещают золотые горы, а не работу делопроизводителем, потому что делопроизводство настолько уныло, что даже мошенники не додумались бы использовать его как приманку. Розыгрыш – но кому придёт в голову разыгрывать безработного юриста, спящего на диване в обнимку с банкой огурцов: моя жизнь и так выглядела как чья-то не слишком удачная шутка. Оставался последний вариант, самый невероятный и самый пугающий: объявление было настоящим, и кто-то действительно приглашал меня на работу, связанную с мёртвыми, посмертным соцпакетом и лифтами, у которых есть кнопка «Приём».

На этой мысли я провалился в сон. И мне снился лифт, который ехал не вверх и не вниз, а куда-то вбок, в направлении, для которого в человеческом языке ещё не придумали слова, но которое отчётливо пахло канцелярской пылью, крепким чаем и чем-то сладковатым, вроде жимолости, хотя какая может быть жимолость в лифте – но во снах, как и в

объявлениях о работе, размещённых в три часа ночи, вопрос «какая может быть» не имеет юридической силы.

Кривоколенный переулок я нашёл не сразу, хотя теоретически должен был знать его расположение, потому что ходил мимо него, по приблизительным подсчётам, раз четыреста за свою жизнь, и каждый из этих четырёмсот раз как-то умудрялся не заметить маленькую арку между домом номер пять и домом номер девять.

Дом номер семь, строение два, существовал в том особом архитектурном безвременье, которое свойственно московским зданиям, построенным неизвестно когда и непонятно кем: не совсем ампир, немного модерн – совершенно что-то невообразимое, но при этом каким-то образом весьма гармоничное, как будто здание никак не могло определиться с эпохой и в конце концов махнуло фасадом на условности. Серо-жёлтые стены, три этажа, узкие окна с тяжёлыми рамами, чугунный козырёк над входом – и абсолютное отсутствие какой-либо вывески, таблички, указателя или иного знака, указывающего на то, что в этом здании кто-то находится, работает или хотя бы просто существует.

Арку я прошёл дважды, прежде чем понял, что она-то мне и нужна. Это было странное ощущение – как будто взгляд соскальзывал с неё, как вода с вощёной бумаги, и каждый раз, когда я пытался посмотреть прямо на проход между домами, внимание мягко, но настойчиво перенаправлялось на что-

нибудь другое: на трещину в асфальте, на голубя, сидящего на карнизе с выражением глубокой философской задумчивости, на собственные ботинки, которые, впрочем, за три месяца безработицы и правда стали объектом, достойным созерцания. Преимущественно, с экзистенциальным уклоном.

На третий раз я остановился, закрыл глаза и шагнул, ориентируясь не на зрение, а на упрямство, которое, надо отдать ему должное, за двадцать девять лет моей жизни оказалось единственным качеством, ни разу меня не подводившим, правда, никуда так и не приведшим, но тут уж, как говорится, чем богаты.

Арка оказалась узкой, прохладной и до того гулкой, что мои шаги отражались от её стен с таким звуком, будто кто-то шёл за мной по пятам. Впрочем, оборачиваться и проверять я не стал, так как был достаточно начитан, чтобы знать, что в арках, ведущих в неизвестность, оборачиваться на пугающие звуки шагов категорически не рекомендуется, а если и рекомендуется, то только тем персонажам, которые в первой же главе становятся жертвами и служат остальным предупреждением.

За аркой обнаружился дворик. Маленький, квадратный, вымощенный старым булыжником и настолько уютный, что захотелось немедленно укутаться в плед, выпить чаю и пожаловаться на погоду. С трёх сторон он был окружен стенами зданий, четвертой стороной служила сама арка, через которую я только что вошёл, и во дворике царила та особен-

ная тишина, которая бывает не столько в безлюдных местах, сколько в местах, откуда только ушла большая, дружная семья – по своим делам, кто куда – но вечером все снова соберутся за обеденным столом и будут делиться, как прошел их день и что нового он им принес.

Дверь в строение два располагалась прямо напротив арки, и единственное, что отличало её от обычной подъездной двери – это то, что она была приоткрыта. Не нараспашку, а ровно настолько, чтобы показать полоску тёплого жёлтого света и дать понять, что заходить можно, но решение остаётся за тобой, и, если ты решишь развернуться и уйти, никто не осудит, но и второго шанса, пожалуй, не предложит.

Ну, терять-то мне уже, пожалуй, что, нечего. Я вошёл.

Внутри оказался подъезд. Самый обычный московский подъезд: лестница, почтовые ящики на стене, запах – типичный букет из пыли, кошек и чьей-то вчерашней стряпни, - и лампочка, мигающая с ленивой периодичностью, как будто она тоже не до конца проснулась и раздумывала, стоит ли вообще светить сегодня или все же взять отгул. Единственное, что выбивалось из общей картины, это лифт.

Лифт стоял справа, как и было указано в письме. Он выглядел... нет, «выглядел» - не то слово. Он производил впечатление. Это был не просто лифт, а нечто среднее между буфетом Воланда и музейным экспонатом: кабина из тёмного дерева с резными панелями, латунными ручками и маленьким круглым окошком в двери, за которым угадывалось что-

то тёплое и золотистое, вроде камина или заката, хотя ни того, ни другого в лифтовой шахте быть, разумеется, не могло. Но лифт, очевидно, придерживался на этот счёт собственного мнения.

Самым же примечательным были кнопки. Вместо привычной панели с цифрами на внутренней стенке кабины располагались небольшие латунные таблички, каждая — с выгравированным словом. Я прочитал их сверху вниз:

«ПРИЁМ»

«АРХИВ»

«КАНЦЕЛЯРИЯ»

«БУФЕТ»

«НЕ НАЖИМАТЬ!»

«ТОЖЕ НЕ НАЖИМАТЬ!!»

«ВЫ ТОЧНО УВЕРЕНЫ?!»

«ВЫХОД»

Некоторое время я стоял перед этой панелью и пытался убедить себя в том, что всё это чей-то розыгрыш, декорация, арт-пространство, перформанс, иммерсивный театр, квеструм или любое другое явление современной культуры, призванное объяснить существование вещей, которые не поддаются рациональному объяснению. Получалось откровенно плохо.

«Кнопку «Приём» нажимать уверенно, - вспомнил я строчку из письма. - Колебания механизм не считывает.»

Я протянул руку и нажал.

Уверенно. Во всяком случае, рука почти не дрожала, а если и дрожала, то самую малость, и не от страха, а от того, что я не завтракал, потому что забыл купить хлеб, потому что забыл купить что-нибудь кроме огурцов, потому что... впрочем, эту цепочку причинно-следственных связей мы уже проходили.

Кнопка мягко ушла внутрь. Двери сомкнулись, как смыкаются створки раковины, плавно и бесшумно, и мне на мгновение показалось, что где-то глубоко в стенах лифта что-то вздохнуло с облегчением, как вздыхает человек, которого наконец-то навестили после долгого одиночества. Лампочка под потолком кабины мигнула - раз, два, три, - и загорелась ровным тёплым светом, от которого резные панели ожили, заиграли тенями и полутенями. А потом лифт поехал. Но не вверх и не вниз, как можно было бы логично ожидать от такого механизма.

Он поехал вбок.

Я был готов ко многому. К падению, тряске, к тому, что двери откроются и за ними обнаружится камера с табличкой «Вы в передаче «Розыгрыш века», улыбнитесь!». Но я не был готов к тому, что лифт двинется в направлении, которого не существует в евклидовой геометрии и которое мой вестибулярный аппарат, воспитанный на трёх привычных измерениях, воспринял как личное оскорбление. Желудок, и без того расстроенный отсутствием завтрака, совершил сложный манёвр, который в авиации, вероятно, называется «бочкой»,

а в быту «начало паники», и я ухватился за латунный поручень с такой неистовой силой, что скорее всего нанес ему несколько тяжких телесных.

Наконец, спустя целую вечность, как мне показалось, лифт остановился с мелодичным звоном и двери открылись.

Передо мной предстал на первый взгляд обычной коридор - две стены, пол, потолок, всё на месте. Но на этом его сходство с любым коридором, виденным мной за двадцать девять лет жизни, заканчивалось. Стены были выложены тёмным камнем, то ли мрамором, то ли чем-то, что притворялось мрамором с такой убедительностью, что и сам мрамор, пожалуй, не нашёл бы отличий. По их поверхности через равные промежутки тянулись бронзовые бра с язычками живого огня - именно живого, а не электрического, и я хочу подчеркнуть это различие, потому что я видел достаточно электрических имитаций каминного пламени, чтобы отличить их от настоящего огня. Этот огонь был настолько настоящим, что один из язычков, кажется, повернулся в мою сторону, когда я проходил мимо.

Потолок терялся в полумраке где-то высоко над головой, значительно выше, чем позволяла архитектура трёхэтажного здания, из которого я только что приехал. Что наводило на ряд вопросов, самым невинным из которых был «где я?», а самым тревожным - «вернусь ли я?». Пол под ногами был выложен плиткой, образующей сложный узор: то ли геометрический орнамент, то ли карту сокровищ; и при каждом ша-

ге мне казалось, что узор чуть-чуть сдвигается, подстраиваясь под мою походку, как хороший ортопедический матрас подстраивается под каждый изгиб вашего тела.

Вдоль стен стояли стулья - деревянные, с высокими спинками и подлокотниками, покрытые потёртым бордовым бархатом. Стулья для ожидания. Я узнал эту породу мебели безошибочно, потому что пять лет просидел на подобных стульях в приёмных, коридорах и залах ожидания различных учреждений, и могу с уверенностью утверждать, что стулья для ожидания — это особый вид мебели, спроектированный так, чтобы сидящий на них человек чувствовал себя одновременно виноватым, незначительным и немного дезориентированным. Хотя конкретно эти стулья были скорее уютными, чем угнетающими, как будто кто-то взял стандартный казенный стул для ожидания и потратил триста лет на то, чтобы сделать его хоть немного приветливым. Результат был спорным, но усилия заслуживали уважения.

Я стоял посреди этого коридора, который не мог существовать и тем не менее существовал, стоял в своей единственной приличной рубашке, наспех отглаженной утюгом, оставлявшим на ткани характерные подпалины, потому что утюг, как и я, уже давно утратил веру в светлое будущее. Стоял с папкой, в которой лежали документы (паспорт, диплом, резюме на трёх страницах с указанием навыков, половина которых была преувеличена, а вторая половина выдумана), и пытался придумать какое-нибудь разумное объяснение про-

исходящему, хотя к этому моменту запас разумных объяснений иссяк окончательно, и на его месте образовалась пустота, которую мозг, как и природа, не терпящий пустоты, торопливо заполнял единственным доступным содержимым - паникой.

Именно в этот момент из-за поворота коридора появился человек.

Или, точнее, из-за поворота коридора появилось нечто, имевшее форму человека: грузный мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, но широкий, как шкаф, который решил отрастить усы и добавить тем самым своему облику жизне-радостности. Усы были густые, рыжеватые, пышные, слегка закрученные вверх на кончиках, из породы тех усов, которые в девятнадцатом веке считались признаком солидности, а в двадцать первом — признаком барбера-хипстера или исторического реконструктора. Одет мужчина был в жилетку поверх рубашки с закатанными рукавами, старомодные шерстяные брюки и натертые до зеркального блеска лаковые туфли.

- А вот и вы, голубчик! – провозгласил он голосом, который, казалось, заполнил весь коридор, - Марк Андреич, ежели не ошибаюсь? Не ошибаюсь, вижу по глазам. Глаза у вас, батенька, совершенно характерные - как у кота, которого впервые вынесли во двор: и любопытно, и страшно хочется обратно домой.

Он подошёл ко мне вплотную, и я обнаружил два обсто-

ательства. Первое - от него пахло чаем, крепким, с бергамотом, и чуть-чуть типографской краской, и где-то совсем на периферии сочными, антоновскими яблоками. Второе обстоятельство было несколько тревожнее: его тень на стене двигалась не совсем синхронно с ним. Когда он протянул руку для рукопожатия, тень протянула руку на полсекунды позже, как будто размышляла, стоит ли.

- Фрол Кузьмич, - представился он, энергично пожав мне руку ладонью, которая была тёплой, сухой и неожиданно крепкой для человека его возраста и комплекции. - Полевой агент, стажну, это неважно. Стаж у нас тут понятие растяжимое, как и время, да и пространство, если честно, тоже, но об этом после. Вера Дмитриевна ожидают-с, но она сейчас на совещании, а совещания у неё, батенька, это отдельное мероприятие, после которого даже мёртвые бледнеют, - он хохотнул. - Так что у нас есть минуток двадцать, и я вам покажу, что тут к чему, покуда вы не передумали.

Я открыл рот, чтобы сказать что-нибудь осмысленное, например, «где я?», или «что происходит?», или «кто вы?», или хотя бы «здравствуйте». Но Фрол Кузьмич, очевидно, не привык тратить время на разрешение экзистенциальных кризисов посторонних людей, и уже двигался по коридору, жестом приглашая меня за собой с тем непринуждённым радушием, с каким хозяин большого дома ведёт гостя показывать усадьбу.

- Вы, Марк Андреич, небось думаете, что попали в ка-

кую-нибудь эдакую передрагу, - говорил он, не оборачиваясь, и голос его отражался от каменных стен, создавая впечатление, что он говорит одновременно отовсюду. — Это нормально-с. Все так думают по первости. Предыдущий наш живой сотрудник, Кирилл Сергеич, - имя это он произнёс чуть иначе, с едва уловимой горечью в голосе, как произносятся имена людей, о которых думают чаще, чем хотели бы, - тот вообще в обморок упал прямо тут, у архива, головой об шкаф стукнулся, а из шкафа на него высыпались дела за тысяча восемьсот четырнадцатый год, и он потом ещё неделю чихал от пыли, а пыль тут, доложу я вам, особенная - она помнит.

- Помнит? - переспросил я, и это было первое слово, которое я произнёс в этом невозможном месте, и оно прозвучало тонко и сипло, как звук, который издаёт чайник, прежде чем закипеть.

- Помнит, - подтвердил Фрол Кузьмич с удовольствием человека, которому задали именно тот вопрос, которого он ждал. - Пыль, она ведь что? Она — это частички всего, что было. Дома, людей, событий. А здесь, на Изнанке, она ещё и помнит, от чего появилась и, если чихнёте в архиве, то на секунду увидите чью-нибудь чужую память. Она мелькнёт, как фотокарточка. Ничего страшного, просто необычно по первому разу.

- На Изнанке? - повторил я, держась за это слово, как за поручень в лифте - то есть из последних сил и с отчётливым

пониманием, что поручень ничего не гарантирует. - Это... метафора?

Фрол Кузьмич остановился, повернулся ко мне и посмотрел с тем ласковым терпением, с каким смотрит школьный учитель на ребёнка, спросившего, зачем учить таблицу умножения.

- Марк Андреич, голубчик мой, - сказал он мягко, - вы только что проехали в лифте в направлении, которому в вашей геометрии нет названия, находитесь в здании, которое снаружи имеет три этажа, а изнутри не поддающееся подсчёту количество, и разговариваете с человеком, который помер в одна тысяча восемьсот восемьдесят первом году от Рождества Христова, в аккурат после Масленицы, от удара копытом в грудь - лошадь оказалась дюже нервная, а я неосторожный. Так вот, скажите мне, батенька: это похоже на метафору?

Повисла пауза, из разряда тех, что в хороших романах описывают как «красноречивую».

- Вы мертвы, - сказал я. Не спросил, а скорее констатировал факт, потому что вопросительные интонации предполагают готовность усомниться в ответе, а я, глядя на этого человека с несинхронной тенью и глазами, в которых что-то мерцало: не свет, а скорее отсутствие того, что обычно делает взгляд живым, - я понимал, что сомневаться не в чем.

- Мёртв, - подтвердил Фрол Кузьмич с такой лёгкостью, с какой другой подтвердил бы, что он из Рязани. - Сто сорок

три года, батенька. И ничего, привык. Первые лет двадцать, конечно, непривычно - тело-то есть, а вот пульса нету, и еда не нужна, но скучаешь по ней, как по старому другу, который переехал. Знаешь, что он где-то есть, а позвать на чай не можешь. Потом притёрся. Чай, кстати, пью просто для удовольствия. Рекомендую буфет на третьем этаже, там чай такой, что даже мёртвые плачут от наслаждения.

Он снова зашагал по коридору, и я зашагал за ним, потому что, а что мне ещё оставалось делать? Стоять на месте и ждать, пока здравый смысл вернётся из отпуска и объяснит мне, как человек, померший при Александре Втором, может ходить, говорить, пить чай и использовать слово «батенька» с такой искренней теплотой?

- Это вот, - Фрол Кузьмич широким жестом обвёл длинный зал, открывшийся за поворотом, - Приёмная. Сюда приходят новые дела - ну, Желания, по-нашему. Видите стойку? За ней обычно сидит Глафира Степановна, но сейчас она в архиве, что-то сортирует, ну или архив сортирует её, с архивом никогда не знаешь наверняка.

Зал был огромным - в нём поместился бы средних размеров вокзал, и ещё осталось бы место для буфета и небольшого фонтана. Последний, как оказалось, присутствовал в дальнем углу и тихо журчал, создавая атмосферу неотвратимости жизни и смерти. Потолок здесь был высокий, сводчатый, расписанный чем-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось не фреской, а движущейся картой: по потолку

медленно плыли облака, проступали и таяли контуры городов, мигали крошечные огоньки, и время от времени одна из точек вспыхивала ярче других на секунду, не больше, а затем гасла.

- Это смерти, - тихо сказал Фрол Кузьмич, перехватив мой взгляд, и голос его впервые за всё время нашего знакомства прозвучал без всякого веселья. - Каждый огонёк — это кто-то, кого больше нет.

Я смотрел на потолок. Огоньки вспыхивали и гасли повсеместно, с небольшими интервалами, и мне вдруг стало отчётливо ясно: мир теряет людей постоянно, ежесекундно, и то, что мы этого не замечаем, не означает, что этого не происходит. Каждый погасший на моих глазах огонек – это чья-то личная драма, невосполнимая потеря или долгожданное облегчение страданий. От осознания этого на несколько мгновений я выпал из реальности, хотя, казалось бы, куда уж больше можно из нее выпасть.

- Не все вспышки порождают Желания, - продолжал Фрол Кузьмич уже обычным тоном, - далеко не все. Для настоящего Желания с большой буквы, Марк Андреич, обратите внимание, нужны три совпадения: искренность, незавершённость и резонанс. Искренность значит, что человек хочет этого по-настоящему, не из тщеславия или обиды, а беззаветно от всего сердца. Незавершённость значит, что он не успел, очевидно. И резонанс — это когда Желание касается не только его самого, но и кого-то другого, живого. Когда

все три совпадают получается Желание. Оно материализуется тут, на Изнанке, в физическую форму, и наша задача его исполнить.

- Исполнить, - повторил я, и мой голос звучал уже не сипло, а скорее задумчиво, потому что мозг, устав паниковать, наконец перешёл в режим обработки информации - он всегда так делал, когда реальность становилась слишком невозможной, чтобы её отрицать: просто начинал записывать, классифицировать и раскладывать по полочкам, как добросовестный архивариус.

- Не щелчком пальцев, - уточнил Фрол Кузьмич, вскинув толстый указательный палец, - это, батенька, вам не сказка, а мы не уличные фокусники. Тут вам реальность, пусть и несколько расширенная. Мы исполняем Желания через цепочки совпадений в мире живых. Подтолкнуть событие тут, шепнуть идею там, сделать так, чтобы нужный человек оказался в нужном месте в нужное время, ювелирная работа, Марк Андреич, тонкая, деликатная, требующая, я бы сказал, понимания человеческой природы и хорошей обуви, потому что набегаться приходится изрядно.

Мы прошли через зал, мимо стойки, за которой действительно никого не было, но на которой стояла чашка чая, от которого ещё шёл пар, хотя, учитывая здешние обстоятельства, чашка вполне могла парить сама по себе, и вышли в следующий коридор, который ответвлялся от зала под углом, невозможным с точки зрения планировки, но вполне логич-

ным с точки зрения здания, решившего, что планировка — это рекомендация, а не закон.

- Здесь кабинеты полевых агентов, - Фрол Кузьмич указал на ряд дверей, каждая из которых была украшена табличкой с именем и датами, и я отметил, что «даты» подразумевали не стаж работы, а, по всей видимости, годы жизни. Хотя слово «жизни» в данном контексте звучало несколько иронично. - Вот мой кабинет, третий слева, заходите, когда хотите, у меня всегда есть чай и сушки. Их я по привычке, сам не ем, а гостям предлагаю, потому что гостеприимство, Марк Андреич, оно ведь не столько в еде, сколько в жесте. Вот тут - комната Глафиры Степановны, она у нас за приём отвечает, помёрла в сорок седьмом, боевая женщина, при жизни зенитчицей была, и нрав соответственный. А вот это...

Он кивнул на дверь в конце коридора, и многозначительно замолчал.

Дверь была другая. Не то чтобы больше или массивнее остальных, нет, она была примерно того же размера и из того же тёмного дерева. Но другие двери выглядели обжитыми: потёртые ручки, царапинки, след от наклейки у кого-то, детский рисунок кнопками на стене у кого-то ещё, - а эта дверь выглядела так, будто она директор школы на линейке: неодобрительно взирает на нерадивых школяров, что невольно заставляет вытянуть спину и разгладить невидимые складочки на воротнике.

Табличка на двери гласила:

«В. Д. ДОННИКОВА

Заведующая отделом ПЖ-7

1678 - 1724»

- Вера Дмитриевна, - сказал Фрол Кузьмич полушёпотом, со смесью уважения, опаски и восхищения, - начальница наша. Триста лет на посту. При жизни балы дворянка, характер кремень, ум как бритва. Помёрла от воспаления лёгких, осталась на Изнанке по собственному желанию, и с тех пор управляет Бюро так, что и живые, и мёртвые ходят по струнке. Я вам, Марк Андреич, вот что скажу: не шутите при ней о смерти - она не обидится, но посмотрит так, что вы пожалеете о том, что родились. А родились вы, батенька, поверьте старику, не зря, просто ещё не догадались, зачем. Ну, это ничего. Тут многие не сразу догадываются.

Он постучал в дверь: три коротких, чётких удара, с уверенностью человека, который стучит в эту дверь ежедневно на протяжении ста с лишним лет и до сих пор каждый раз долго собирается с духом.

- Войдите, - раздался голос из-за двери.

Голос был женский, ровный, и в нём не было ничего примечательного: ни угрозы, ни властности, ни холода, как это обычно описывается в книгах для придания веса персонажу.

Фрол Кузьмич открыл дверь, пропустил меня вперёд и сделал полшага назад, в коридор.

- Удачи, голубчик, - шепнул он мне в спину, и дверь за мной закрылась с мягким щелчком.

Кабинет Веры Дмитриевны Донниковой оказался... обычным.

После всего увиденного - мраморных коридоров, карты смертей на потолке, мертвецов с несинхронными тенями и лифтов, едущих вбок, - я ожидал чего угодно: трона из костей, алтаря с чёрными свечами, хрустального шара, коллекции черепов на полке, - словом, всей той атрибутики, которой нормальный человек ожидал бы от кабинета начальницы конторы на границе жизни и смерти.

Вместо этого передо мной был среднестатистический офисный кабинет. Большой деревянный письменный стол, заваленный бумагами. Книжные шкафы вдоль стен - забытые до отказа, и книги на полках стоят не по алфавиту и не по размеру, а по какому-то внутреннему порядку, понятному только хозяйке. Окно - тут я замер, потому что за окном был пейзаж, но не московский: что-то зелёное, холмистое, с рекой вдали и облаками, движущимися слишком медленно для настоящих, - как заставка на компьютере, только живая, дышащая, пахнувшая влажной землёй и травой через приоткрытую створку.

На стене за столом висел портрет - не портрет маслом и не фотография, а искусный эскиз карандашом: молодая женщина, удивительно похожая на хозяйку кабинета, но моложе и с другими глазами - искрящимися легкостью и беззаботностью. Сестра, - подумал я.

Вере Дмитриевне Донниковой на вид было лет сорок пять,

и выглядела она именно так, как должна выглядеть женщина, управляющая бюрократическим учреждением на границе бытия на протяжении последних трёх столетий: немного устало и с тем особым выражением лица, которое говорит «я видела всё». Невысокая, с прямой спиной и разворотом плеч, который выдавал либо дворянское воспитание, либо балетное прошлое. Волосы - тёмные, с проседью, убранные в строгую причёску. Лицо - из тех лиц, которые не назовёшь красивыми в привычном смысле, но которые запоминаешь сразу и навсегда: резкие скулы, тонкие губы, глаза - тёмные, внимательные, с пронзительным взглядом, от которого не скрыть ничего. Образ бюрократа с трехсотлетним стажем дополнял безупречно сидящий брючный костюм серого цвета и нитка жемчуга на шее.

Она не выглядела мёртвой. Единственное, что выдавало её, были руки, лежавшие на столе поверх раскрытой папки: спокойные, неподвижные, с длинными пальцами и аккуратными ногтями, но в какой-то момент, когда она, видимо, задумалась, кончики пальцев стали чуть прозрачными, на секунду, не больше, и через них проступил рисунок столешницы.

- Садитесь, Полозов, - сказала она, кивнув на стул перед столом, и посмотрела на меня. Фрол Кузьмич не преувеличивал: взгляд Веры Дмитриевны действительно вызывал острое желание пересмотреть все свои жизненные решения, начиная с выбора рубашки и заканчивая выбором профес-

сии.

Я сел. Стул был удобным, но это мне не помогло.

- Резюме ваше я прочитала, - сказала она, не глядя на бумаги, а глядя на меня, что было значительно хуже, потому что бумаги не краснеют и не потеют. - Юридический факультет, красный диплом, пять лет в конторе, ноль судебных дел, ноль самостоятельных проектов, ноль инициатив, три месяца безработицы. Это всё, или есть что-то, что вы не указали?

Вопрос прозвучал без издёвки, простая констатация фактов моей жалкой биографии.

- Я хорошо расставляю запятые, - сказал я, потому что в моменты крайнего стресса мой рот имеет привычку выдавать фразы, которые мозг никогда бы не одобрил.

Вера Дмитриевна посмотрела на меня долгим, немигающим взглядом.

Я почувствовал, как капля пота медленно ползёт по спине, преодолевая позвонок за позвонком.

- Запятые - это важно, - сказала она наконец, и я не понял, шутит она или нет. - В наших документах каждая запятая имеет значение. Поставите не в том месте - и вместо «исполнить желание, передав привет внуку» получится «исполнить желание передав привет, внуку», и внук этот привет получит в такой форме, что потом Бюро будет разбираться с последствиями до конца квартала.

- У вас есть кварталы? - спросил я, потому что рот по-прежнему работал автономно.

- У нас есть всё, что есть у обычного учреждения, - ответила Вера Дмитриевна, и мне показалось - но я не был уверен, - что уголок её губ чуть дрогнул в намеке на усмешку. - Кварталы, отчёты, бюджет, совещания, канцелярские принадлежности и начальство, которое всем недовольно. Разница лишь в том, что сотрудники не увольняются - потому что увольняться им, строго говоря, некуда.

Она откинулась на спинку кресла и снова окинула меня сканирующим взглядом.

- Вы знаете, чем мы занимаемся, Полозов?

- Фрол Кузьмич... рассказал. В общих чертах.

- Фрол Кузьмич рассказывает всё в общих чертах, потому что в частных чертах он увлекается и начинает врать. Он добрый и талантливый полевой агент, но его байки нужно делить на четыре и вычитать три. Итак, в двух словах: мы - отдел ПЖ-7, структурное подразделение организации, полное название которой занимает семнадцать страниц мелким шрифтом и которое никто не читал целиком, включая руководство. Мы обрабатываем последние желания умирающих - конкретнее, те желания, которые отвечают трём критериям и материализуются на Изнанке. Наша задача - исполнять их в мире живых, аккуратно, точно, через цепочки естественных совпадений, не нарушая ткани реальности.

Она говорила это так, как говорят вещи, повторённые тысячу раз, - чётко, по пунктам, без запинки, - и при этом каждое слово звучало не заученно, а прожито, от самого сердца.

Если таковое есть у человека, умершего триста лет назад.

- Нам нужен живой сотрудник, - продолжала она. - Мёртвые могут выходить на поверхность, но это требует усилий, времени и заполнения формы 12-бис, которая длиннее иного романа. Живой может перемещаться между Изнанкой и реальным миром свободно. Кроме того, живой - это свежий взгляд. Мы, - она сделала небольшую паузу, аккуратно подбирая слова, - мы иногда забываем, как это - быть живыми. Нам нужен кто-то, кто помнит.

- И этот кто-то - я? - спросил я.

- Вы откликнулись, - сказала Вера Дмитриевна.

- Я откликнулся в три часа ночи, поедая маринованные огурцы.

- Именно. Человек, который в три часа ночи, на дне отчаяния, находит странное объявление и вместо того, чтобы пройти мимо, нажимает «Отправить», - это человек, который ещё не сдался. Человек, который сдался, давно бы лёг спать. Или нашёл бы себе нормальную вакансию.

Я молчал, потому что возразить на это было нечего. Она была права и это было очевидно нам обоим.

- Полозов, - сказала она, и голос её стал чуть мягче, - я не буду вам врать: работа трудная. Не физически - хотя и физически порой тоже, Фрол Кузьмич однажды расскажет вам историю про гусей. Трудная - морально. Вы будете работать с последними мыслями людей. С тем, что они не успели. С

тем, о чём жалели. Каждое Желание - это чья-то боль и чья-то надежда. И вы будете исполнять эти надежды, зная, что тот, кто надеялся, уже не увидит результата. Это ломает. Не сразу, но со временем ломает.

Она замолчала и посмотрела на портрет на стене - на ту молодую женщину с мягкими глазами, - и взгляд её на мгновение стал другим, не стальным, а человеческим, и в этом человеческом взгляде было столько всего, что я отвёл глаза, потому что это было чужое, а подглядывать - нечестно.

- Вы способны хранить тайну? - спросила она, снова глядя на меня.

- Зависит от тайны.

- Мир устроен не так, как вы думали. За тем, что вы видите, есть ещё что-то. Мы - часть этого. Если вы примете работу - вы не сможете рассказать о ней никому. Ни друзьям, ни родственникам, ни девушке, ни случайному собутыльнику. Никому. Политика конфиденциальности Бюро - единственный документ, который я когда-либо видела короче одной страницы: «Не рассказывайте. Последствия - необратимые». Без пояснений, без уточнений. Необратимые - и точка.

- Звучит угрожающе.

- Это вовсе не угроза, обычная честность. Ведь угроза может быть пустой, а честность - нет.

Я сидел в кресле, в кабинете мёртвой женщины, в здании, которое не существует, за гранью реальности, которую я считал единственной, - и думал. Я думал о трёх месяцах на ди-

ване. О потолке, который укоризненно взирал на меня все это время. О Щукине и его запятых. О резюме, которое никто не читал. Об отце, который умер два года назад от рака, и последние его слова были обращены ко мне, а я их не слышал, потому что плакал, и к тому моменту, как взял себя в руки, его уже не было, и я так никогда и не узнал, что он хотел сказать.

Я подумал: а вдруг его Желание прошло через это Бюро? Вдруг где-то в здешних архивах, в пыли, лежит папка с его именем? Вдруг кто-то - Фрол Кузьмич, или Глафира Степановна, или кто-то ещё, кого я ещё не знаю, - исполнил его последнее желание, а я даже не заметил, потому что был слишком занят своим отчаянием?

Эта мысль - а может быть, не мысль, а надежда - эта мысль перевесила всё: и страх, и здравый смысл, и голос разума, который к этому моменту охрип от криков и сел в углу сознания, обхватив голову руками.

- Я согласен, - сказал я.

Вера Дмитриевна одобрительно кивнула. Но весь её вид говорил о том, что она знала, что так все и будет. Знала с того самого момента, когда кто-то - и мне очень хотелось выяснить, кто именно, - написал объявление, нашёл его среди вакансий менеджеров по продаже воздуха и подсунул мне в три часа ночи.

- Добро пожаловать в Бюро ПЖ-7, Полозов, - сказала она.
- Завтра к девяти. Опоздания не обсуждаются. Дресс-код -

отсутствует, но рубашку смените: подпалины от утюга на левом манжете видны мне даже отсюда.

Я посмотрел на свой левый манжет. Подпалина была на месте - тёмное пятно, похожее на маленькую карту неизвестного континента.

- И, Полозов, - добавила она, когда я уже встал и дошёл до двери, - купите нормальную еду. Огурцы - не ужин.

Я обернулся, и - мне не показалось, я уверен, - я увидел, как уголок её губ дрогнул. Еще не улыбка, но набросок, сделанный тонкой линией и тут же стёртый, но оставивший след.

Дверь закрылась за мной, и в коридоре, привалившись к стене с чашкой чая, стоял Фрол Кузьмич, и глаза его смотрели на меня с такой откровенной радостью, какую я не видел, пожалуй, со времён детства, когда бабушка встречала меня на пороге и весь мир на мгновение становился простым, тёплым и уютным.

- Ну что, голубчик? - спросил он, хотя уже знал ответ, - я видел это по его усам, которые топорщились с победоносным задором. - Приняли?

- Приняли, - сказал я.

- Вот и славно, вот и чудненько. Чаю?

- Не откажусь.

- Это правильно, Марк Андреич. С чаю тут всё начинается. И работа, и дружба, и приключения, и неприятности, - но о неприятностях после, а сейчас - чай. С бергамотом. Пой-

дёмте в буфет на третьем, я вас познакомлю с чаем, который помнит вкус воды из любой реки мира. Вы, батенька, только не нервничайте - он иногда плачет, но это от радости, потому что его давно никто не заваривал.

Я шёл за ним по коридору - мимо дверей с датами жизни, мимо огней в бронзовых бра, мимо теней, которые двигались по собственному расписанию, - и думал о том, что утром я лежал на диване и считал себя самым бесполезным человеком в мире, а теперь иду пить чай с покойником в буфете здания, которое не существует, устроившись на работу в контору, исполняющую последние желания мёртвых.

И знаете что? Впервые за долгое время мне не хотелось обратно на диван.

Глава 2 В которой герой выходит на работу, знакомится с коллегами и узнаёт, что бюрократия бессмертна

Домой я добрался к четырём часа дня, проведя в метро бесконечное количество минут, глядя на собственное отражение в окне и пытаясь понять, изменилось ли в нём что-нибудь после того, как его обладатель устроился на работу к мертвецам. Отражение, впрочем, выглядело как обычно - уставшим, небритым и слегка озадаченным, что в целом являлось базовым выражением лица любого среднестатистического менеджера среднего звена.

Квартира встретила меня с привычным радушием нежилого помещения: тишина, пыль на полках, диван с вмятиной моей формы, ноутбук на полу и банка из-под огурцов, которую я так и не выбросил. Рядом с банкой обнаружился листок бумаги, которого утром определённно не было.

Листок был плотный, кремовый, приятный на ощупь и пах тем самым запахом канцелярской пыли и жимолости, который я уже начинал ассоциировать с Изнанкой. Почерк на нём был ровный, мелкий, с характерными завитушками на заглавных буквах.

«Полозов, завтра к 9:00. Лифт вас запомнил. Форму 1-А (заявление о приёме на работу) заполните на месте. При себе иметь: паспорт, ручку (чернильную или шариковую, гелевые - не принимаются, они размазываются на документах Изнанки), готовность к неожиданностям.

В. Д. Донникова.

P.S. В холодильнике - кефир и хлеб. Не благодарите. Вычту из первой зарплаты.»

Я открыл холодильник. В холодильнике стояли кефир и хлеб. Свежие. Холодильник, который ещё утром содержал только лёд на стенках и забытый пакетик кетчупа неопределённого возраста, теперь выглядел почти по-человечески.

Вопрос о том, как записка и продукты оказались в моей запертой квартире, я задавать не стал отчасти потому, что ответ наверняка включал бы слова «Изнанка», «другое измерение» и «дверные замки не являются препятствием», а отчасти потому, что мне очень хотелось есть, и кефир с хлебом в данный момент представляли собой более насущную реальность, чем любые метафизические вопросы.

Я поел, лёг на диван и уставился в потолок.

Потолок, как обычно за ним водится, молчал. Я лежал и думал. Мысли приходили не по порядку, а россыпью, как карты из колоды, которую уронили на пол: мёртвые, которые работают; Желания, которые материализуются; лифт, который ездит вбок; Фрол Кузьмич; Вера Дмитриевна и её взгляд, от которого хотелось одновременно вытянуться по

стойке смиренно и расплакаться; карта на потолке приёмного зала, где каждый огонёк - это чья-то смерть...

И отец. Мысль об отце всплыла, как всегда, без приглашения и без предупреждения, и устроилась в центре сознания с привычной тяжестью. Два года. Два года, а я до сих пор не знаю, что он хотел сказать в самом конце, потому что ревел как мальчишка, и слова утонули в моём рёве, и к тому моменту, когда медсестра мягко тронула меня за плечо, говорить было уже некому.

Могло ли его Желание - если оно было, если оно прошло все три фильтра - оказаться где-то в архивах Бюро? Мог ли кто-то его исполнить, а я об этом даже не узнал?

С этой мыслью я уснул, и мне ничего не снилось, что само по себе было подарком - после предыдущей ночи и прошедшего дня мозг, очевидно, решил взять паузу и не генерировать ничего, потому что моя новая реальность и так стала необычнее любого сна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.